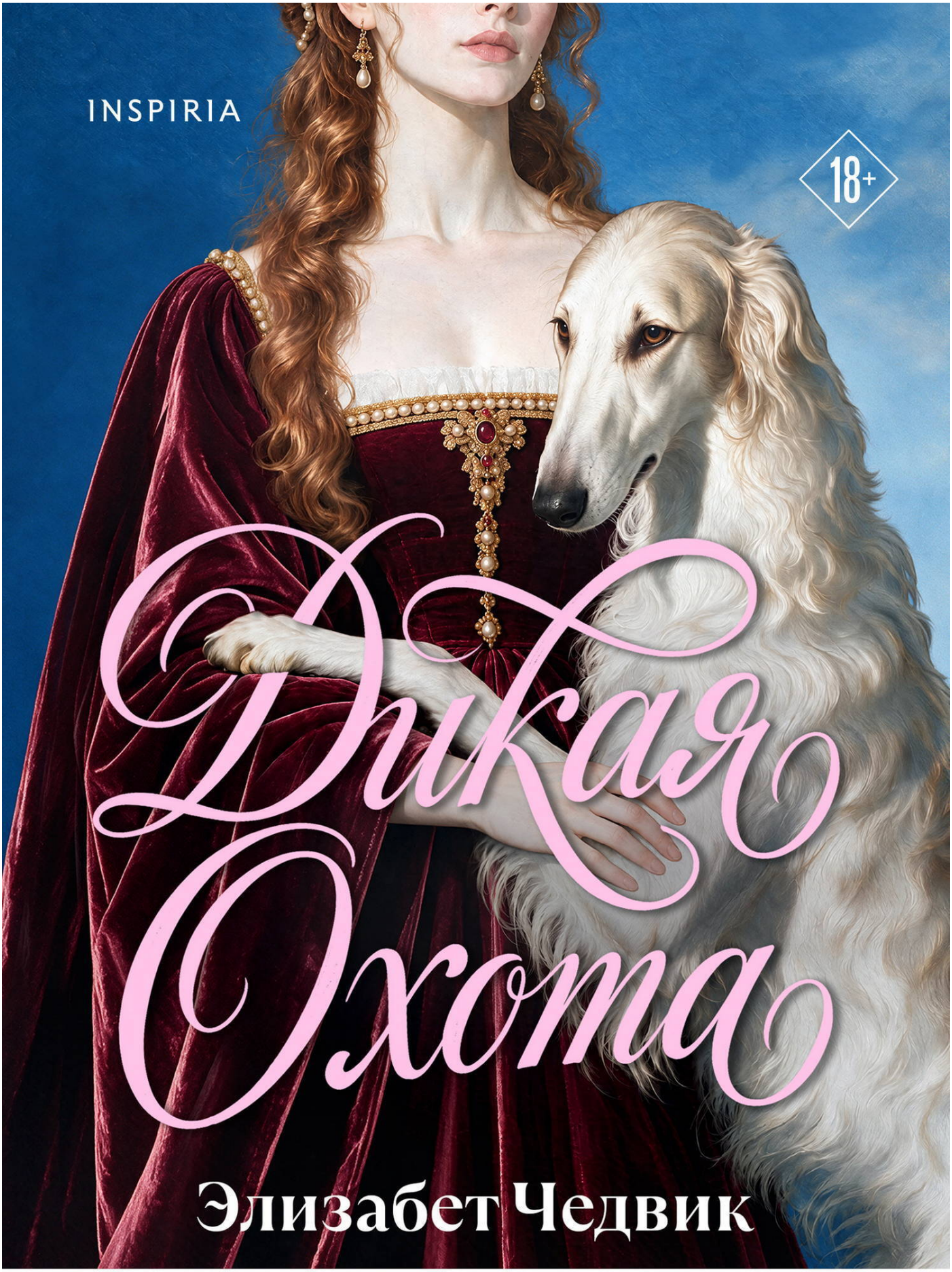


INSPIRIA

Novel. Время королев

Элизабет Чедвик

Дикая охота

«Эксмо»
1990

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Чедвик Э.

Дикая охота / Э. Чедвик — «Эксмо», 1990 — (Novel. Время королев)

ISBN 978-5-04-257307-1

«Дикая охота» — начало знаменитой исторической саги Элизабет Чедвик о любви, власти и тайнах знатного рода. Средневековая Англия. Войны за земли, придворные интриги и чувства, способные изменить судьбу. Опытному нормандскому рыцарю Гийону Фиц-Майлзу приказано жениться на Джудит, юной дочери знатной леди. Их союз должен укрепить положение двух могущественных семей. Но для Джудит замужество означает жизнь рядом с чужим и суровым мужчиной, а Гийон воспринимает невесту лишь как часть политической сделки. Постепенно страх сменяется доверием, а навязанный брак — настоящей привязанностью. Джудит узнает за суровым обликом рыцаря человека, готового защищать ее любой ценой, а Гийон понимает, что его сердце давно уже не принадлежит только ему. Но их любовь оказывается под угрозой. Враги Гийона жаждут его земель и власти, старые обиды требуют мести, а тайна происхождения Джудит способна изменить судьбу не только молодой женщины, но и всего ее рода. ПОБЕДИТЕЛЬ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ BETTY TRASK. «Взяв в руки роман Элизабет Чедвик, вы знаете, что вас ждет великолепное путешествие». — Daily Telegraph «Безупречное историческое исследование и мастерское повествование». — Woman & Home

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-257307-1

© Чедвик Э., 1990
© Эксмо, 1990

Содержание

Глава 1. Ноябрь, 1098 год Замок Эшдайк, граница Уэльса и Англии 8
Глава 2 13
Глава 3 17
Глава 4 21
Конец ознакомительного фрагмента. 28



Элизабет Чедвик
Дикая охота

Elizabeth Chadwick
THE WILD HUNT (#1 in Wild Hunt series)
Copyright © Elizabeth Chadwick 1990, 2008

Школа перевода В. Баканова

Перевод с английского *Алины Сафроновой*

© Сафронова А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

* * *

Глава 1. Ноябрь, 1098 год Замок Эшдайк, граница Уэльса и Англии

Колючий ноябрьский ветер рванул плащ Гийона и понесся в снежных вихрях дальше, к замку, мрачно глядящему со скалы в темные, бурные воды реки Вай. Гийон похлопал устало понурившегося, спотыкающегося коня по мускулистой шее. Стремительно темнело, непогода разыгралась не на шутку, но и до замка уже было рукой подать.

У брода Арьян заартачился, однако всадник слегка его пришпорил, и серый жеребец с фырканьем пробороздил бурливый, мутный поток и выскочил на дорогу, прямо в прихваченную морозцем грязь. Впереди тускло мерцали окна деревенских домов: там у очагов варили ужин и при свете лучин готовились отойти ко сну. Когда Гийон проезжал мимо церкви, прямо под копыта Арьяну выбежала мелкая собачонка и попыталась цапнуть коня за ногу. Сверкнула подкова, донесся громкий визг, и воцарилась тишина. Дверь одного из домов приоткрылась – и торопливо захлопнулась после раздавшегося изнутри резкого окрика.

Гийон миновал мельницу и, хмурясь, направил коня вверх по крутой тропе, ведущей к замку. Там, наверху, Арьяна хорошенько разотрут, укроют теплой попоной и нальют горячее пойло, чтобы он скоротал ночь в сытости и довольстве. Жаль, что новости, которые Гийон везет, не позволят разрешить его собственные проблемы так же легко.

Он окликнул стражника, и подъемный мост глухо бухнул о землю. Копыта коня гулко застучали о толстые дубовые доски, выбивая эхо: под мостом щетинилась пиками скал глубокая пропасть. Порой проворные овцы спрыгивали на ее склоны в поисках корма, и пастухи, отчаянно сквернословя, неуклюже спускались вслед за ними.

Въехав в замковый двор через темную арку надвратной башни, Гийон бросил поводья и медленно спешился. Ноги затекли так, что какое-то время он не мог двигаться и просто стоял, держась за седло.

– Ох, сэр, ну и вечерок нынче выдался! – воскликнул выскочивший из конюшни слуга, почтительно берясь за поводья и с любопытством глядя на Гийона.

– То ли еще будет, – отпустив седло и с усилием выпрямившись, пробормотал тот.

Речь шла не только о погоде.

– Кажется, подкова на передней правой ноге болтается. Проверь! – приказал Гийон слуге.

– Да, сэр.

Гийон хлопнул по серому в яблоках крупу и пошел по двору, сутулясь под порывами ледяного ветра. Постепенно кровь разошлась по жилам, он оживился и ускорил шаг. Поприветствовав стражников у входа, Гийон стянул рукавицы, поднялся по крутой лестнице на второй этаж и широким, стремительным шагом вошел в зал.

Сигнал к ужину уже прозвучал, и едоки сидели за столами. При появлении наследника владельца замка мужчины перестали жевать и замерли, гадая, какую еще неприятность предвещает его появление. Зато женщины следили за приближением молодого человека совершенно иными глазами и шептались друг с дружкой.

Не обращая внимания на присутствующих, Гийон решительным шагом пересек зал и подошел к возвышению, где за главным столом сидел его отец со старшими рыцарями и доверенными слугами. С неудовольствием он увидел, что на месте хозяйки замка восседает его сестра Эмма.

Майлз ле Галлуа встал и с обеспокоенным видом поприветствовал сына.

– Ги! Мы не ждали тебя так скоро.

– Когда дьявол гонится за тобой, приходится спешить, – поклонившись, ответил Гийон.

Поцеловав сестру, он сел на место, спешно освобожденное для него за столом. Тело тут же налилось свинцовой тяжестью, а зал поплыл перед глазами.

– Чудо, что ты не упал, Ги. Выглядишь ужасно! – с этими словами Эмма повелительно взмахнула рукой, подзывая одного из слуг.

– Неужели? – Гийон взял кубок с вином, который наполнил слуга. – Возможно, на это есть серьезные причины.

Он ощущал на себе взгляды всех присутствующих, их нетерпение было почти осязаемым.

– Неужели король не пожаловал тебе владения твоего дяди? – удивился отец.

Гийон покачал головой, уставился во вновь наполненный кубок и безрадостно сообщил:

– Король с радостью признал меня наследником и подтвердил все причитающиеся мне права и привилегии.

Прошло уже три месяца со дня смерти его дяди Жерара, погибшего в бою с валлийцами на острове Мон, который еще называют Англси. Жена Жерара давно умерла, детей у них не было, так что он охотно назначил наследником племянника. Однако король Вильгельм Руфус ценил звонкую монету больше законов, подтверждающих права наследников. Гийону пришлось плыть в Нормандию[1], чтобы получить аудиенцию у короля. Он вступил в наследство. Теперь за это предстояло заплатить.

– Тогда почему ты не рад? Новость-то отличная. Что-то еще случилось? – спросил отец.

Гийон лишь крепче вцепился в кубок. Этими новостями он делиться со всеми присутствующими не желал. К тому же долгая дорога его вымотала, он даже думал с трудом.

Эмма погладила его по руке и ахнула:

– Да ты совсем замерз! Чем ты думал, когда выехал в такую погоду? Неужели нельзя было подождать? Я прикажу подготовить горячую ванну, а ты немедленно пойдешь туда, где тепло!

Уныние отчасти рассеялось, и Гийон невольно усмехнулся. Эмма старше него на три года и до сих пор считает это веской причиной требовать от брата послушания. Особенно с тех пор, как две зимы назад их мать умерла от потницы. Муж Эммы, помощник королевского камергера, путешествовал вместе с двором Вильгельма, а сама она жила здесь, на границе с Уэльсом, донимая домочадцев и слуг требованиями блюсти порядок.

На сей раз Гийон решил подчиниться и, бросив взгляд на сестру, встал из-за стола и попросил:

– Лучше позаботься о том, чтобы моих слуг хорошенько накормили. Они уже скоро прибудут. Наверняка клянут меня сейчас на все лады.

По пути к спальне Эмма принялась распекать брата за беспечность: разве можно обгонять сопровождающих, когда в пограничье так опасно и неспокойно? Однако Гийон обращал на ее слова не больше внимания, чем на тающий на одежде снег.

* * *

Когда лохань наполнили горячей водой и брат начал раздеваться, Эмма повелительно щелкнула пальцами, отпуская служанок. Гийон удивленно поднял бровь, провожая взглядом уходящих девушек. Белая борзая по кличке Кади, его любимица, подбежала, виляя хвостом и тяжело дыша. Гийон отвлекся от раздевания и ласково потрепал ее шелковистые уши.

– Эмма, вряд ли Гийон прямо сейчас собирался развлечься с ними, – сухо заметил Майлз, опустив портьеру за двумя служанками.

Женщина нахмурилась:

– Судя по тому, что муж рассказывал мне о королевском дворе, Ги захотел бы развлечься, даже будь он связан и избит почти до потери сознания.

[1] С 1066 по 1135 г. Англией правила династия нормандских герцогов.

– Вот уж неправда! – возмутился Гийон.

Эмма отпихнула Кади ногой и забрала у брата набивной поддоспешник.

– Это будет зависеть от той, которая меня связала, и ее намерений, – пояснил Гийон и ловко увернулся от подзатыльника, которым любящая сестра собиралась его наградить.

Взяв Эмму за плечи, он звучно чмокнул ее в щеку. Она ожгла брата сердитым взглядом, но губы женщины невольно дрогнули в улыбке.

– Зря стараешься, мне ведомы все твои льстивые уловки.

– Верю. – С наигранным унынием Гийон выпустил Эмму из объятий и со вздохом принялся расшнуровывать рубашку. – И все-таки надеюсь, что на остальных девушек они действуют.

– Только не в этом доме! – сузив глаза, строго предупредила Эмма.

– Я имел в виду девушек, живущих чуть подальше. А именно дочь Мориса Фиц-Роджера.

– Кого? – насторожился Майлз, сидевший на металлическом сундуке.

– Джудит Рейвенстоу. – Скинув последнюю одежду, Гийон залез в горячую воду. – Король приказал мне на ней жениться.

– Руфус предложил тебе в жены дочку Мориса Рейвенстоу? – удивленно округлив глаза, уточнил Майлз.

– Он не предлагал. Он приказал. – Гийон мрачно посмотрел на отца. – Еще Руфус продал графство Шрусбери Роберту де Беллему за три тысячи марок.

– Что?! – ужаснулся Майлз. – Да как он мог позволить ему унаследовать Шрусбери? Это же просто-напросто опасно, учитывая, чем уже владеет Беллем и что он за человек!

Гийон взял мочалку, которую ему без слов протянула Эмма.

– У каждого человека есть цена, а де Беллем точно рассчитал, чем купить Руфуса, – с гримасой отвращения заметил он. – Беллем хотел заполучить и Рейвенстоу, поскольку тот принадлежал его покойному единокровному брату. И получил бы его, если бы кто-то не вспомнил, что наследница Рейвенстоу находится в возрасте, подходящем для замужества, и до сих пор еще не просватана. Король решил сам устроить ее судьбу, заодно немного позабавиться. – Гийон принялся яростно намыливаться, словно это могло стереть одолевавшие его дурные мысли.

– Это невозможно! – скривилась Эмма. – Взяв ее в жены, ты породнишься с де Беллемом. Он чудовище, все знают. Он грабит и пытает ради забавы, сажает тех, кто ему не угодил, на смазанный жиром кол и с улыбкой наблюдает за их смертью. – Она передернулась и обхватила себя руками. – Господь Всемогущий! А собственную жену де Беллем запер в подвале замка наедине с крысами!

Гийон не смог бы упрекнуть сестру в преувеличении. Даже самый жестокосердный человек был бы до глубины души поражен зверствами Роберта де Беллема, старшего сына покойного Роджера де Монтгомери, графа Шрусбери.

Негодование вызывало не его обращение с вилланами – те и без того служили разменной монетой – поражали именно пытки знатных пленников, которые были способны заплатить выкуп. Однако для де Беллема имели значение лишь собственные прихоти.

– Если я откажусь от брака, то потеряю земли дяди Жерара. Король пожалует их кому-нибудь из фламандских лизоблюдов. Я в ловушке. Руфус не только навязывает мне жену, но еще и заставляет заплатить за это. Конечно, пятьсот марок – не три тысячи, только и этого достаточно, чтобы мои арендаторы взвыли, когда я увеличу плату. Счастье еще, что де Беллему не хватает совести не повышать налоги.

Эмма поежилась и перекрестилась.

– Гийон, что бы ни затевал де Беллем, а земли, которые ты получишь в браке, наряду с тем, что ты унаследуешь от Жерара, уравняют вас во влиятельности, – заметил отец.

– О да, за это мне тоже придется заплатить, – вздохнул Гийон. – Может статься, и собственной жизнью.

Воцарилась тягостная тишина. Судорожно вздохнув, Эмма пробормотала что-то про вино и еду и вышла.

Майлз с тяжелым вздохом опустился на скамью. В свои пятьдесят четыре года он оставался крепким и по-юношески подвижным, разве что слегка пополнел.

– А ведь я знаком с матерью этой девушки, – задумчиво произнес он. – Ее зовут Алисия Фиц-Осберн. Она сестра Бретейля. До чего же хорошенькой она была в пятнадцать лет! Не будь я уже женат на вашей матери и счастлив в браке, сделал бы ей предложение.

– Мне казалось, клан Фиц-Осберн тебе не по нраву, – проворчал Гийон.

– Это касается лишь мужчин. Все они – и Бретейль в том числе – изворотливы, как змеи. Но Алисия была другой. Отважная и вместе с тем нежная, с глазами темными и глубокими, как летняя ночь. Она так и не простила мужчин своего семейства за то, что ее насильно выдали замуж за Мориса де Монтгомери.

Гийон взял оставленное Эммой полотенце и выбрался из лохани.

– Любая женщина возненавидела бы такую родню, – согласился он, подумав, что последний лорд Рейвенстоу походил на жирного хряка, валяющегося на куче навоза.

– Помнится, Джудит родилась после многих лет брака, а до того Алисию не раз упрекали в бездетности, – сложив на груди руки, заявил Майлз. – Вряд ли это ее вина. Морис – распутник, каких поискать, однако бастардов у него все же не было.

Гийон облачился в подбитую мехом тунику и позвал слуг. Двое мужчин вылили воду из лохани в сток, находившийся в углу комнаты.

– По крайней мере, Рейвенстоу – замок внушительный, настоящая крепость, – сказал Майзл. – Благодаря ему с тобой будут считаться. Каким бы греховодником ни был де Беллем, но строить он умеет на славу.

– Подозреваю, он тем или иным образом попытается отнять замок и присоединить к своим владениям. Рейвенстоу сторожит подходы к Честерской долине и дорогам, ведущим на восток, – он отлично подходит для логова грабителей и вымогателей, тебе не кажется?

Майлз лишь пристально посмотрел на сына и поджал губы.

– Но ведь есть еще Святая земля, – криво усмехнувшись, добавил Гийон. – Там не достанут ни Руфус, ни де Беллем; убийство неверных принесет славу и снимет с души все грехи. Я…

Он осекся на полуслове и вздохнул – вошла Эмма в сопровождении служанки, несущей еду и вино. Поджав губы, Гийон сел на скамью у камина. Отпустив служанку, Эмма сама налила брату напиток.

– Розин в зале. Тебе придется все ей рассказать.

Гийон недоуменно посмотрел на сестру и отпил вино.

– Зачем? В Михайлов день[2] она ясно дала мне понять, что между нами больше ничего нет. Ей не на что жаловаться.

– Возможно, на Михайлов день у Розин еще не было причин для жалоб. Зато сейчас есть.

– О чем ты? – насторожился Гийон.

– О том, что она оказалась не так искусна в применении трав, как полагала, и округлившийся живот тому свидетельство. Поглядим, что будет к середине лета.

Сестра смотрела на него неодобрительно, отец – удивленно, и, чтобы скрыть волнение, Гийон с напускным безразличием опять отпил вина.

– Я поговорю с ней завтра, хотя вряд ли моя женитьба что-нибудь поменяет. Я признаю этого ребенка и буду его обеспечивать, если ей захочется. Но Розин своевольна и непредсказуема.

---

[2] Михайлов день – день, посвященный архангелу Михаилу. У католиков отмечается 29 сентября.

– Зато закон Уэльса в данном случае высказывается вполне определенным образом, – возразила Эмма. – Мальчик-первенец, даже зачатый не в браке, имеет равные права с остальными законными наследниками.

Гийон покачал головой.

– Эми, я уроженец Нормандии, на меня законы Уэльса не распространяются. Я могу передать незаконнорожденному ребенку во владение пару земельных наделов, не более. Кроме того, ребенок еще не родился. Вдруг это будет девочка? В таком случае, когда настанет время, я подыщу ей подходящую партию.

Эмма поджала губы:

– Этого ребенка вообще не должно было быть.

– Не будь такой мелочной, Эми. Внебрачная связь – пустяк по сравнению с тем, что я мог натворить при дворе.

Эмма покраснела. Ее мужу, как помощнику королевского камергера, было известно о многом из того, что делали приближенные к королю дворяне: устраивали скандалы, боролись за власть, предавались различным порокам… Гийон, с его привлекательной внешностью, пренебрежением к правилам приличия и налетом валлийской дикости, постоянно во что-нибудь ввязывался, хотел он того или нет.

– Надеюсь, ты и принц Генрих не ведете счет своих любовных побед? – выпалила Эмма.

– Разумеется, ведем! Как ты догадалась? – огрызнулся Гийон.

Майлз поднялся и потянулся всем телом, словно кот.

– Обсудим все завтра. Я собираюсь лечь спать, и, надеюсь, сын последует моему примеру.

Он выразительно посмотрел на дочь. У Гийона хватало забот и без ее назидательных поучений и высоконравственных наставлений.

– Ох уж эта мужская солидарность! – фыркнула Эмма и натянуто улыбнулась. – Что ж, я умею признавать поражение.

Подойдя к брату, она поцеловала его в выбритую до синевы щеку, а тот в ответ легонько дернул выглядывающий из-под вуали кончик светло-каштановой косы.

– Но это не означает, что ты сдаешься.

– Неужели? – Эмма выгнула бровь. – Знаешь ли, я охотно оставлю это поле битвы твоей жене, и, надеюсь, ей все-таки удастся укротить тебя!

– Говоришь, умеешь признавать поражение? – ухмыльнулся Гийон вслед уходящей сестре. – Именно поэтому ты всегда предпочитаешь оставлять за собой последнее слово?

Глава 2

В большом зале Розин ворочалась на комковатом соломенном тюфяке. С раздражением обнаружив, что снова нужно облегчиться, она села. Рядом храпел отец. Преуспевающий торговец шерстью, о чем свидетельствовал немалых размеров живот, он был вполне доволен своим положением. Они добились немалого успеха, когда начали вести дела с Майлзом ле Галлуа, ведь шерсть и шерстяная ткань приносили изрядный доход. Лорд Майлз выращивал овец, а отец Розин продавал шерсть во Фландрии и мало-помалу осваивал торговлю другими товарами: специями и кожей, шелком и стеклом, в результате чего их семья процветала.

Рядом с отцом вповалку спали внуки – дети Розин от первого брака, после которого она осталась вдовой. Десятилетний крепыш Рис, темноглазый и поразительно похожий на своего отца, и семилетняя Элунед – вся в мать: изящная и стройная брюнетка с золотисто-зелеными глазами и белоснежной кожей. Возможно, скоро у Розин родится еще один ребенок. Если это будет мальчик, то, даст бог, он унаследует красоту Гийона, но не его сложный характер.

Тихо поднявшись с тюфяка, чтобы не разбудить детей и отца, Розин пошла в отхожее место. До чего же глупо она попалась! Как так вышло, что она понесла? Она, которая знает травы и снадобья – или самоуверенно полагала, будто знает: ведь раньше у нее все получалось! Впрочем, сейчас слишком поздно и слишком опасно прибегать к их помощи. К тому же нужные травы уже отцвели.

Поначалу Розин сомневалась, стоит ли ехать с отцом в Херефорд. Однако вовремя сообразила, что это ее последняя возможность туда попасть: потом она не сможет никуда выехать из-за суровой погоды. Нужно купить льняного полотна для свивальников, которые Розин будет шить темными вечерами, когда зимний холод запрет ее в доме, – а это произойдет уже совсем скоро. Из-за метели и колючего ветра им и без того пришлось искать укрытия в замке лорда Майлза.

Вечерний приезд Гийона стал для нее полной неожиданностью – и не сказать чтобы приятной. Известие о его предстоящей женитьбе не причинило ей боли: Розин всегда знала, что это однажды случится. Долг Гийона – привести в дом достойную жену, равную ему по положению, и произвести на свет наследников. Жену, которая будет иметь с ним много общего, чего не скажешь о Розин.

Будучи женщиной практичной, она сразу решила не возлагать на связь с Гийоном никаких надежд. Да, он бегло говорит по-валлийски и следует здешним обычаям, однако по крови он валлиец всего на четверть. Его обязанность – охранять границу, и, если король прикажет, Гийон без колебаний вскочит на боевого коня и помчится усмирять нарушителей. Замки вдоль границы для него дом и убежище, а не сумрачная тюрьма для вольного духа.

В отхожем месте было холодно и пахло соответствующе, так что Розин поспешила сделать то, за чем сюда пришла. Только в зал потом не вернулась: пошла в небольшую комнату, которую обычно занимал Гийон. Его борзая, Кади, дремавшая у входа, встретила гостью радостным повизгиванием. Погладив ластящуюся собаку, Розин сдвинула тяжелую портьеру и вошла.

Гийон уже спал, но тихое звяканье колец портьеры и приглушенное поскуливание Кади его разбудили. Он родился и вырос в этом замке, здесь ему ничто не угрожало, однако в последнее время он так привык быть настороже, что в мгновение ока выпрыгнул из кровати и напал на смутно видимого в полумраке незнакомца. Ударился нижней челюстью о его голову, прикусил язык и ощутил во рту солоноватый привкус крови. В его руках билось чье-то стройное, гибкое тело, а пальцы нащупали мягкую, округлую грудь. Женщина!

– Это я, Розин! Ты с ума сошел? – негодующе прошептала незнакомка на французском языке с легким валлийским акцентом.

– Скорее ты с ума сошла! – весело возразил он – близость Розин окончательно разбудила его и привела в хорошее расположение духа. – Что за глупая привычка – красться к мужчине посреди ночи, *cariad*[3]? Я, знаешь ли, частенько сплю с обнаженным мечом под рукой. Я мог срубить твою голову!

– Я так часто видела твой обнаженный меч, что он вряд ли способен произвести на меня впечатление, – как ни в чем не бывало заявила Розин и прижалась к нему. Запустив пальцы в его густые волосы, она привстала на цыпочки, куснула за мочку уха и жарко прошептала: – Но лучше все-таки убрать клинок в ножны, милорд.

Гийон хрипло засмеялся:

– Хорошая мысль. Может, у тебя есть подходящие ножны?

Он впился в рот Розин поцелуем и принялся стягивать с нее платье.

* * *

Розин потянулась лениво, как кошка, и расслабилась, с довольной улыбкой пожирая глазами лежащее рядом мужское тело, подсвеченное факелом.

– Я уж и забыла, как с тобой хорошо, – промурлыкала она.

– Сама виновата, я ведь звал тебя с собой, – без малейшего осуждения сказал Гийон.

– Я бы слишком выделялась среди нормандских женщин, и не в лучшую сторону. Чувствовала бы себя несчастной, хуже последней грешницы.

– Грех никогда не приносит несчастья, – возразил Гийон и получил за это игривый шлепок.

Схватив запястье Розин, он потянул ее на себя. Они какое-то время боролись, затем Гийон отпустил женщину, та села и принялась его разглядывать. Благодаря темным глазам и волосам он с легкостью сошел бы за валлийца, но рост и широкая кость выдавали в нем англо-норманна.

– Говорят, ты беременна. – Он серьезно посмотрел на нее.

– Ну и что? – подозрительно глядя на него, ответила Розин.

– Ты вообще собиралась сказать мне об этом?

– Разве такое скроешь? – Прикусив губу, она отвела взгляд. – Наши отцы связаны общим делом, а Рис и Элунед болтливы, как сороки. Рано или поздно ты бы все узнал.

Гийон ощутил укол боли при мысли о том, что она скрыла бы от него свое положение, если б смогла.

– Моя сестра полагает, ты захочешь воспользоваться законом Уэльса, если родится мальчик.

Розин удивленно на него посмотрела.

– По данному закону внебрачный первенец приравнен в правах к сыновьям от законной супруги, – пояснил Гийон.

Розин покачала головой:

– Твоя сестра ошибается. Закон Уэльса – пустое сотрясание воздуха по эту сторону границы, где соблюдается закон нормандский. К тому же я бы не хотела, чтобы мой сын жил среди *saesnegs*[4] в такой вот каменной гробнице. – Она пренебрежительно обвела взглядом небольшую, но уютную комнатку.

Гийон чуть не ответил подобной же колкостью – мол, он не хочет, чтобы его ребенок бегал босым по холмам Уэльса или зарабатывал на жизнь торговлей шерстью, – только сдержался. Это тоже было бы пустым сотрясанием воздуха. Он произнес:

---

[3] Cariad – дорогая, любимая (*валлийск.*).

[4] Saesnegs – англичане (*валлийск.*).

– Эмма рассуждает как истая нормандская леди. На твоем месте она приложила бы все усилия для того, чтобы я взял на себя ответственность за будущее ребенка. – Он пропустил сквозь пальцы ее локон. – А еще сестра решила меня немножко припугнуть, чтобы я больше так не поступал. Ей кажется, будто я прелюбодействую, а она это не одобряет.

Розин поморщилась, вспомнив ледяное выражение лица Эммы, когда семья валлийцев располагалась на ночлег в зале. И тут же улыбнулась, представив ее реакцию на то, что недавно происходило в этой комнате.

Затрещал фитиль в масляной плошке, и в неровном свете пламени Гийон нежно дернул Розин за длинный локон и обласкал взглядом ее округлившийся животик.

– Меня беспокоит, о чем думаешь ты, а не Эмма.

Розин отвела взгляд и прикусила губу.

– Я стараюсь учиться на собственных ошибках, – продолжил Гийон. – Мне хотелось бы удержать тебя, но я не стану. Да и разве подобает так поступать, когда я должен…

– Жениться, верно? – беззлобно уточнила Розин.

Гийон поморщился:

– Уже знаешь, да? Впрочем, сплетни разлетаются быстро. Розин, *cariad,* тебе лучше уехать отсюда. Ради Господа нашего, поезжай в Уэльс и забудь о том, что между нами было.

– Ги?!

Он бросил на нее мрачный взгляд:

– Разве ты не слышала, кто невеста? Она из рода Монтгомери. Я женюсь согласно королевскому приказу, к тому же ее мать – старинная знакомая нашей семьи. Откажусь взять эту девушку в жены – ей будет грозить смертельная опасность от Роберта де Беллема, нового графа Шрусбери. Уж если он способен заточить собственную жену в темницу и выколоть глаза своему крестному сыну, то что его может удержать от расправы над невесткой и племянницей в попытке завладеть замком Рейвенстоу? Идет дележ власти, милая моя, и тебе лучше находиться подальше от всего этого. Когда твой отец закончит дела в Англии, возвращайся домой и забудь о поездках через границу. Особенно если у тебя не будет хорошо вооруженной и многочисленной охраны. Роберт де Беллем и его прихвостни превратят пограничье в ад для людей наподобие твоего отца.

Розин содрогнулась. Как бы ей хотелось верить, что Гийон преувеличивает опасность! Однако она понимала, что это не так.

– Завтра я сам поговорю с Мэдоком, пока наши дороги не разошлись. Надеюсь, он знает, что не стоит сокращать путь через земли Шрусбери.

– Неужели там и впрямь столь опасно?

– Да, – веско ответил Гийон. – Я не шучу, Розин. Либо поезжай в Уэльс и не смей даже носу казать на границу, либо оставайся здесь, под моей защитой. Третьего не дано.

Розин ошеломленно покачала головой и задрожала. Гийон обнял ее и укрыл покрывалом. Женщина теснее прижалась к нему, но дрожь не унималась.

Все кончено. Она не сможет жить в одной из этих огромных, мрачных крепостей. Это случится не раньше, чем нормандская леди станет доить овец на склоне Ир-Виддфа[5]. Ей нужна свобода, к тому же у нормандок другие взгляды на внебрачные связи и незаконнорожденных детей. У Розин нет ни малейшего желания враждовать по пустякам с женой Гийона. А если он захочет увидеть ее и своего первенца, то пусть сам приезжает в Уэльс!

– *Ffarwel fy llewpart du. R wy'n dy garu di*[6], – прошептала Розин и нежно поцеловала его в шею, а потом и в губы.

– Я тоже люблю тебя, *cariad,* – прошептал он, крепче обнимая Розин.

---

[5] Ир-Виддфа – так валлийцы называют гору Сноудон.

[6] Прощай, мой черный леопард. Я люблю тебя *(валлийск.).*

Будь проклят весь клан Монтгомери! Чтоб их поглотила самая глубокая огненная геенна!

Глава 3

Джудит зашипела сквозь стиснутые зубы, когда Агнес, служанка матери, попыталась расчесать спутанные пряди каштановых волос девушки.

– Стой спокойно, милая моя, и тогда тебе не будет больно. Я уже скоро закончу, – с толикой раздражения сказала Агнес. Ее лоб, шею и даже двойной подбородок покрывали капельки пота.

– Не разговаривай со мной как с маленькой! – огрызнулась Джудит, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Агнес поджала губы, отчего на ее пухлом лице появилась еще одна складка, и взяла бусы из отшлифованного агата. Глаза защипало, но Джудит фыркнула и упрямо выпятила подбородок. Слезами горю не поможешь – этот трудный урок она усвоила еще в раннем детстве. Отец считал слезы признаком женского скудоумия и слабости, а мать так часто оплакивала свою долю, что дочь решила не следовать ее примеру.

Джудит опустила взгляд на свое свадебное платье. Бледно-зеленая льняная камиза плотно облегала ее стройный стан, поверх красовалось темно-зеленое шелковое платье из узорчатого дамаста с золотой вышивкой у горла, по подолу и краю свисающих почти до пола рукавов. Узкую талию подчеркивал тканевый плетеный поясок, украшенный драгоценными камнями. В этом дорогом одеянии Джудит ощущала себя главным блюдом на пиру, на нее будут устремлены все вожделеющие взгляды.

Через несколько часов в замковой часовне ей придется принести брачный обет совершенно незнакомому мужчине, затем оставить свой дом и уехать с мужем, стать его собственностью, которой он будет пользоваться как пожелает. Сегодня ночью муж возьмет ее, и через девять месяцев она, быть может, родит ему ребенка. Это пугало девушку, ведь через неделю ей исполнялось всего шестнадцать лет. Джудит часто видела, как мать страдала от поступков отца, который умер совсем недавно, в сентябре: его постоянные придирки, ругань, побои и презрение сделали невозможным доверие между супругами. На долю матери выпало немало горя, и, хотя она сумела защитить дочь от худших издевательств, Джудит, насмотревшись всякого, не желала себе подобной судьбы.

– Стой спокойно, милая моя. Будь хорошей девочкой, дай мне приколоть это к твоим волосам, – ворковала Агнес.

Ее пальцы дергали и тянули пряди волос, причиняя боль, и постепенно в Джудит зарождался протест против Агнес и свадьбы. Девушка расслабила стиснутые в кулак ладони, шлепнула служанку по руке и выпалила:

– Тебе бы женой мясника быть, а не служанкой у леди!

Возмущенная Агнес заквохтала, как наседка.

Затрещали кольца отдергиваемой портьеры, и в комнату вошла Алисия де Монтгомери. То, что она увидела и услышала, заставило ее нахмуриться.

– Спасибо, Агнес, ты сотворила чудо. Наш лебеденок стал прекрасным лебедем. А теперь сходи и распорядись, чтобы сын управляющего принес побольше свечей для сегодняшнего вечера.

Повелительный взмах – и служанка исчезла.

– Агнес порой бывает невыносима, но это не повод ее бить, – упрекнула Алисия дочь, когда они остались одни. – Разве этому я тебя учила? Ты ведешь себя не лучше своего отца.

Джудит прикусила губу и выпятила подбородок, чтобы он не дрожал.

– Извини, мама, просто она причинила мне боль. Я себя чувствую, как лошадь, которую подготавливают к торгам!

Алисия неодобрительно покачала головой и со вздохом заключила дочь в объятия.

– Знаю, сейчас ты так не думаешь, только с браком тебе повезло.

От матери привычно пахло розами, и Джудит со всхлипом вцепилась в мамины плечи.

– Тихо, тихо, ты испортишь труды Агнес, – пожурила Алисия дочь и погладила ее по голове. – Ваш союз заключается по политическим причинам, однако для тебя он удача, хотя ты этого пока не понимаешь. Мужчина, с чьим сыном ты вступишь в брак… Я однажды чуть не стала его невестой. Видит бог, с ним я могла обрести счастье.

Джудит рукавом утерла слезы и вопросительно посмотрела на мать, а та продолжила:

– Твой дед, Фиц-Осберн, предлагал меня в жены Майлзу. Тот предпочел жениться на англичанке, поскольку этот брак оказался выгодней, к тому же он влюбился в нее. Первый муж Кристины – так ее звали – пал в битве при Гастингсе. Она была взрослой, опытной женщиной, а я – всего лишь наивной шестнадцатилетней девушкой. Однако отказ не расстроил твоего деда – некоторое время спустя он получил предложение от Мориса де Монтгомери.

Который потом бил свою жену за малейший проступок и вел себя не деликатней похотливого хряка. На редких собраниях, устраиваемых знатью, Алисия порой видела Майлза ле Галлуа. Со временем он утратил хищную юношескую грацию, стал уже не столь поджарым, но в целом почти не изменился. Морис же с годами становился все больше похож на свинью, и его живот уже нависал над поясом.

– Я не очень хорошо знаю Гийона, только с такими родителями, как Майлз и Кристина, он не мог вырасти плохим человеком. Так что твой брак будет более удачным, чем мой. – Она печально пожала плечами. – Если бы обстоятельства сложились иначе, у вас было бы время узнать друг друга до свадьбы. Зато Гийон сможет тебя защитить, когда твой дядя Роберт придет требовать графство. Падальщики уже собираются, чтобы урвать свою долю.

Расширенными от страха глазами Джудит смотрела на отрешенное лицо матери. Пожалуй, оно было даже слишком отрешенным. Джудит знала, какие слухи ходят о Роберте де Беллеме – служанки охотно пугали друг друга рассказами о его жестокости, а Джудит понимала английский и валлийский гораздо лучше, чем ожидалось от девушки ее положения. Девушки шептались, что он любит развлекаться пытками, грабит и убивает без зазрения совести. Кое-кто из них обладал излишне живым воображением и твердил, что у графа есть заостренный хвост и раздвоенные копыта вместо ног, но Джудит им не верила. Правда и без того ужасала.

Роберт де Беллем сам нарисовал проект замка Рейвенстоу и ссудил ее отцу деньги на постройку. Их семья до сих пор должна ему несколько сотен марок. Джудит знала – мать боится, что де Беллем может вот-вот потребовать деньги, поскольку сам должен королю. Вот почему Джудит так поспешно выдают замуж – чтобы де Беллем не успел прийти и настоять на возврате долга.

Джудит поежилась. Свадьба предполагалась скромной, присутствовать будут лишь несколько гостей и вассалов, но вчера вечером приехал брат де Беллема, Арнульф Пемброк, а с ним могущественный вассал де Беллема, Вальтер де Лейси, соратник отца по охоте и бывший претендент на ее руку. Матери с трудом удалось выделить им комнаты и изобразить радость от их визита – эти гости приехали отнюдь не для того, чтобы пожелать новобрачным счастья. Однако столь важным персонам нельзя отказать, потому их приняли так же радушно, как и официально приглашенных Гуго д'Авранша, графа Честера, и Фиц-Амона, лорда Глостера.

Прошуршала отодвигаемая портьера, и в комнату вошла Агнес в сопровождении юноши с корзиной свечей.

– Они уже подъезжают, миледи. Де Бек говорит, будут через час, – сказала Агнес.

Джудит задрожала, хватая воздух ртом. Казалось, стены приближаются к ней, смыкаются вокруг. Ее мутило, щеки горели, но руки были ледяными.

– Прости меня, Агнес, за то, что я тебя ударила, – придушенно произнесла она.

– Ничего, милая моя. Тебе сегодня нелегко, я понимаю. – Она протянула руку к Джудит. – Что с тобой, дитя?

Джудит ощутила, что умрет, если не сбежит отсюда. Одной рукой подхватив юбки, а другой зажав рот, она бросилась вон из комнаты. Слуга отскочил в сторону, рассыпав свечи. Алисия и Агнес что-то кричали ей вслед, однако Джудит опрометью сбежала вниз по крутой винтовой лестнице и, словно загнанный зверь, понеслась прочь. Пока она бежит, ей не нужно думать. Пока она бежит, она свободна.

– Мне догнать ее, миледи?

Покусывая губы, Алисия смотрела на покачивающуюся портьеру.

– Нет, Агнес, мы слишком запугали девочку, пусть побудет одна, – помедлив, произнесла она. – Больше ей не представится такой возможности.

– Она не готова к браку, – мрачно заметила Агнес. – Говорят, ее будущий муж привык к обществу придворных дам и даже встречается с замужними леди…

– Это все сплетни! – оборвала служанку Алисия. – Поменьше слушай досужую болтовню, Агнес. И не смотри на меня так. Не сомневаюсь, у него были любовницы, но слухи всегда все приукрашивают. Я верю в его воспитание больше, чем в чужие сплетни. К тому же Джудит будет лучше с ним, чем в руках ее дяди Роберта или Вальтера де Лейси. – Она поджала губы. – Дочке придется свыкнуться с мыслью о свадьбе.

* * *

Первое, что ощутила Джудит, когда пришла в себя, – колющую боль в боку. Она стояла, прислонившись к выщербленной каменной глыбе, в горле першило, прическа растрепалась, а на подоле расплывалось темное, грязное пятно – видимо, она бежала, не разбирая дороги, прямо по лужам. Золотистые туфельки промокли насквозь, и ноги заледенели.

Морозный, порывистый ветер швырял в нее снежные хлопья, и у Джудит от холода невольно застучали зубы. Новый подбитый мехом плащ так и остался висеть на стойке для одежды в ее комнате. Только ни за что на свете она туда не вернется!

– Я не могу сделать то, чего от меня ждут, – жалобно прошептала она, понимая, что это всего лишь пустые слова.

Если она не согласится выйти замуж сегодня, семья и домочадцы окажутся в руках Роберта де Беллема. Рано или поздно ее бы все равно помолвили с кем-нибудь, может, даже с Вальтером де Лейси, а это куда как хуже, чем брак с Гийоном Фиц-Майлзом, убеждала себя Джудит, глядя на темную рябь протекающей внизу реки.

Гийон Фиц-Майлз, лорд Ледуорт – она произносила его имя на все лады, пытаясь представить этого мужчину, но из-за страха ничего не получалось. Вдруг у него гнилые зубы или от него воняет? Может, он тучный и лысый, совсем как Гуго, граф Честер? Станет ли муж ее бить, когда будет в дурном настроении? На один безумный миг Джудит захотелось броситься в реку и разбиться о скалы, как пена, однако она не осмелилась, памятуя о том, что это навек погубит душу. Ветер хлестнул по лицу волосами, ослепив на мгновение, и Джудит отпрянула от обрыва, хватая ртом воздух.

Жалобное мяуканье отвлекло ее от дурных мыслей. Полосатая рыжая кошечка вилась у ног и выгибала спину, бодая головой юбки.

– Мелин! – Тут же позабыв о своем безвыходном положении, Джудит подхватила кошку на руки. – Где ты была три дня, во имя всех святых?

Кошка мурлыкала и когтила рукав платья, с пренебрежительным самодовольством глядя на хозяйку.

В замке Мелин находилась на особом положении. Обычно кошки жили в подвалах и сараях, где охотились на мышей и крыс, и не давались в руки – их вполне могли освежевать ради меха. Джудит нашла Мелин в прошлом году на этом же мысу облезлым, хромым котенком. В то время Алисия обучала дочь лечить травами и снадобьями и позволила ей проверить

свои знания на котенке. К счастью, лорда Мориса в замке не было, а к его возвращению Мелин успела полностью выздороветь и научиться вести себя правильно. Кошачье чувство самосохранения заставляло животное убегать из комнаты или прятаться при появлении хозяина замка. После его смерти кошка с надменно-величественным видом расхаживала по замку – совсем как королева, обозревающая владения. Ее недавнее исчезновение Джудит сочла дурным предзнаменованием – как будто Мелин знала, что в замок прибывает новый тиран, и не хотела его видеть… Теперь она, словно смирившись с неизбежным, вернулась.

Вдруг, сильно оцарапав Джудит руку, Мелин вспрыгнула ей на плечо – свое излюбленное место отдыха. Джудит вскрикнула от боли, но не стала прогонять кошку, радуясь ее возвращению. Она перекинула волосы на другое плечо, а Мелин с жалобным воем впилась ей когтями в шею: из спутанной влажной травы появилась еще одна кошка – черная, как смоль, поджарая и мускулистая – и неспешно направилась к замку.

– Мария, матерь божья! – с чувством воскликнула Джудит, не зная, плакать ей или смеяться.

«Лишь Господу известно, – обеспокоенно подумала она, – как будущий муж отнесется к такому количеству домашних питомцев. И вообще ко всему».

Глава 4

Гийон натянул поводья и, пока слуга поскакал официально объявить о его прибытии, уставился на беленые стены крепости, неожиданно яркие на фоне тяжелых серых туч и скал с посеченными ветром травами.

– Должно быть, я сошел с ума, – пробормотал он.

Подвесной мост глухо бухнул о землю, и стражники принялись суетливо поднимать решетку. Но вот ворота в ад распахнулись, и Гийон поежился от дурного предчувствия. Рейвенстоу. Одна из самых неприступных крепостей на севере границы. Любой был бы рад стать ее владельцем. Вот только почему-то хочется развернуться и умчаться подальше отсюда. Поздно. Слишком многое поставлено на карту.

Гийон тронул пятками бока Арьяна, и конь осторожно ступил на доски моста. Зато Кади бесстрашно и весело помчалась вперед. Гийон свистом позвал ее обратно, и борзая затрусила рядом с конем.

– Валлийцам не удастся завладеть этим замком с наскока, – заметил Майлз, когда им сначала пришлось повернуть направо и проехать между внешними стенами и частоколом, окружающим внутренний двор, а затем повернуть налево, чтобы въехать в замковый двор через вторые ворота.

Гийон лишь хмыкнул в ответ и обвел укрепления завистливым взглядом. Их надежность и мощь заслужили одобрение мужчины, пусть даже затея с женитьбой и вызывала у него отторжение. Помимо прочего, ему было бы гораздо спокойней, если бы Роберт де Беллем не приложил руку к строительству этой крепости.

Когда они спешились, их поприветствовал невысокий человечек в алом шелковом одеянии, обтянувшем огромное, словно у женщины на сносях, пузо. Рядом стоял высокий, широкоплечий мужчина с седой бородой и в доспехах, а за ним толпились вассалы и рыцари.

– Да пребудет с вами Господь, милорды. Добро пожаловать, – сказать пузатый, сложив руки, словно в молитве. – Я Ричард Фиц-Уоррен, мажордом леди Алисии, а это комендант крепости, Мишель де Бек…

Гийон заставлял себя слушать и изображать радушие, пока его поочередно знакомили с остальными встречающими. Запомнить их имена, безусловно, полезно, но почему их не встречает сама хозяйка замка? Почему их заставляют мерзнуть во дворе, тратя время на то, что может подождать?

Глянув поверх голов, он заметил спешащую к ним от замка взволнованную женщину. В просвете подбитого мехом плаща мелькало розовое платье, под вуалью чернели толстые косы.

– Леди Алисия, – вздохнул Майлз.

Произнесено это было таким тоном, что Гийон невольно перевел взгляд на отца.

Вежливо улыбаясь, женщина подошла к ним, и Гийон заметил, что хозяйка замка чем-то встревожена.

– Прошу прощения, милорды, мне следовало подойти раньше, чтобы поприветствовать вас. Но чем больше дел, тем больше препятствий возникает на пути. Прошу вас. – Она жестом пригласила их в дом.

– Что-то случилось, миледи? Могу я чем-нибудь вам помочь? – спросил Майлз.

Первым порывом было не рассказывать о случившемся, но затем Алисия с тяжелым вздохом призналась:

– Ничего особенного, милорды. Гости затеяли спор, повар случайно пролил кипящий жир на поваренка, а хлеб сгорел до угольков. У служанок все из рук валится. Комендант, которого просили немного потянуть время, держит вас на морозе, как и я, впрочем. И будто этого

мало – моя дочь испугалась и сбежала неизвестно куда. В остальном все идет так, как и следует при столь поспешной свадьбе.

Майлз подавил улыбку. Гийон хотел было что-то спросить, но Кади вдруг азартно залаяла и бросилась через двор к воротам, где какая-то девушка пыталась незаметно проскользнуть в замок. Ей удалось бы это сделать, не вмешайся собака.

Рыжая кошка, до того спокойно сидевшая на плечах девушки, зашипела и вздыбилась. Кади налетела на девушку, та покачнулась и упала на грязные камни двора. Мелькнула кошачья лапа, брызнула кровь, раздался вопль боли. Кошка перепрыгнула через собаку, впустую клацнувшую ей вслед зубами, проскользнула между ногами стражников и юркнула в замок.

Джудит попыталась подняться, но отяжелевшее от влаги и грязи платье тянуло вниз. Наконец она окинула взглядом двор – и пожалела, что при падении не лишилась чувств. Слуги и стражники таращились на нее в священном ужасе. Мать подходила к ней с непроницаемым выражением лица. Кто-то захихикал. Джудит зажмурилась, но, поняв, что лучше не станет, открыла глаза. Седеющий мужчина средних лет обогнал ее мать и сейчас протягивал руку Джудит, чтобы помочь подняться.

– Сочту это за предзнаменование, – усмехнулся мужчина. – Видимо, вам с моим сыном суждено вести себя как кошка с собакой и перевернуть с ног на голову весь замок!

Джудит в немом изумлении смотрела на него. Отец бы поколотил ее за подобное поведение, а незнакомец шутит.

– Как это бывало у вас с мамой? – дружелюбно парировал появившийся рядом молодой мужчина.

Он схватил за ошейник белую собаку, которая рвалась в замок, чтобы отомстить рыжей кошке.

– Это я виноват, – улыбнулся мужчина. – Кади щенок, ее еще нужно воспитывать.

Джудит опустила глаза долу. Мужчина был слишком красив. Таких просто не бывает на свете. К тому же вежливый, с голосом тягучим и сладким, как дикий мед. Ее дядя Роберт тоже красивый и обходительный, но под позолотой скрывается черная душа. Джудит испугалась еще сильнее.

* * *

Отослав дочь приводить себя в порядок после первой встречи с будущим мужем, Алисия собралась с духом и вернулась в зал к гостям.

В ответ на ее извинения Майлз ле Галлуа лишь улыбнулся и махнул рукой.

– Какая необычная свадьба. Уверен, сын до конца своих дней не забудет первую встречу с невестой.

Алисия мельком взглянула на Гийона, который временно препоручал заботу о своей собаке кому-то из рыцарей, и ответила:

– Вы смеетесь надо мной, милорд.

– Разве что лишь отчасти.

У Алисии задрожали губы, ей с трудом удалось сохранить на лице радушное выражение.

– Джудит волнуется. Сегодня ночью ей предстоит стать женой, тогда как еще утром она была ребенком.

Майлз посерьезнел:

– У Гийона есть сестра и племянницы, он умеет обращаться с женщинами.

– До нас доходили подобные слухи, – желчно заметила Алисия, но тут же качнула головой и поправилась: – Это неудивительно, учитывая его внешность и нравы королевского двора.

– Сейчас я не при дворе, миледи, – возразил подошедший Гийон.

Алисия чуть не подпрыгнула от неожиданности – он двигался тихо, как кошка Джудит.

– Не беспокойтесь. Обещаю обращаться с вашей дочерью со всем почтением, – пообещал Гийон.

– Джудит еще молода, однако она быстро учится и уже умеет вести хозяйство, – взяв себя в руки, сказала Алисия. – Если она сегодня и выставила себя в дурном свете, то лишь потому, что опечалена смертью отца и грядущей переменой в своей жизни.

Иными словами, иронично заключил Гийон, его женой станет ранимая пугливая девочка, с ней придется обходиться со всей деликатностью, на которую он способен, чтобы хоть как-то устоять на этой зыбкой почве отношений.

Внесли вино, вслед за ним вошел Гуго д'Авранш, граф Честер, что избавило Гийона от необходимости отвечать Алисии и дало возможность переключиться на разговор о родственных связях валлийцев этого края.

– Поначалу им нелегко придется, – сказал Майлз Алисии. – При других обстоятельствах, будь у них больше времени…

– При других обстоятельствах они вообще бы не поженились, разве не так? – взглянув на Гийона, произнесла она.

Майлз не нашелся что ответить и приник к кубку с вином.

* * *

Гийон смотрел на девушку, с которой сегодня связал себя узами брака в холодной часовне Рейвенстоуна. Он дал клятву защищать ее до конца своих дней, и не важно, что этот конец может настать совсем скоро. Тихий голос невесты, подтверждающей брачные обеты, дрожал от сдерживаемых слез.

Кое-кто из гостей смотрел на него с угрозой, словно примеряясь, куда вонзить кинжал. Арнульфу Пемброку недоставало вежливости в поздравлениях новобрачным, а Вальтер де Лейси говорил с неприкрытой издевкой.

Джудит подняла лицо для традиционного поцелуя. Высокие скулы придавали откровенно кошачье выражение ее серо-карим глазам, цветом своим напомнившим Гийону осенний ручей.

Боже, во что он ввязался? Так можно и раньше времени на тот свет уйти, думал Гийон, обнимая дрожащую, напряженную девушку за тонкую талию.

Взрослое платье из зеленого дамаста свободно висело на неразвитом девичьем теле, и Гийон понял, что не сможет сегодня сделать Джудит женщиной. Она привлекала его не более чем собственные племянницы.

Он поцеловал ее в щеку – коротко и безразлично, словно одного из вассалов. От девичьего лица тонко пахло розами, а от волос розмарином и ромашкой, в которых их омывали сегодня перед свадьбой.

Девушка вздрогнула, и Гийон тут же отступил. Они вместе повернулись, принимая поздравления от свидетелей и гостей, немногочисленных по причине спешки, однако Джудит казалось, что она задыхается от обилия людей.

Остальная часть церемонии прошла для девушки как в тумане, пронизанном предощущением кошмара. Время от времени всплывали яркие воспоминания: нападение жуткой белой собаки; часовня; взгляды людей; лица, выражающие ожидание, жалость, жадность… И наконец, ее рука на локте мужа. На темной ткани рукава белели бледные пальцы, на одном из которых блестело колечко из валлийского золота – свидетельство того, что Джудит больше себе не принадлежит. Теперь она собственность мужа, совсем как конь или собака. Он может делать с ней все что угодно.

* * *

Все собрались в большом зале. У возвышения с главным столом в честь жениха и невесты танцевали гости. Гийон наблюдал, как его жена движется в танце с одним из соседей. Ральф де Сериньи, очередной вассал де Беллема, склочный и скупой прохвост, со слов Алисии, приехал на свадьбу лишь для того, чтобы вволю поесть и попить за чужой счет. Со стороны Уэльса его земли граничили с Рейвенстоу, не пригласить его на свадьбу было просто нельзя – затаил бы обиду. Жена его слыла женщиной недалекой, и де Сериньи оставил ее дома под присмотром служанок. Гийон с улыбкой подумал, что если сосед приехал лишь поесть, выпить да насладиться отсутствием супруги, то он куда более желанный гость, чем те, кто требует от него радушного приема.

Подчиняясь рисунку танца, Джудит встала в пару с дядей, Арнульфом де Монтгомери, неприветливым угрюмцем с пористым, бугристым носом. Де Монтгомери не владел, подобно Роберту де Беллему, благословенным даром привлекать к себе сердца и умы людей, однако в полной мере обладал подлостью и коварством. Не умея сплести интригу самостоятельно, он тем не менее имел достаточно хитрости, чтобы примкнуть к чужому заговору, особенно если видел в этом выгоду для себя. Он не шел на открытое противостояние, предпочитая таить нож за пазухой и бить исподтишка, в чем нередко преуспевал – не может ведь человек смотреть одновременно вперед, назад и по сторонам?

Наконец де Монтгомери передал племянницу Вальтеру де Лейси, который стоял в конце ряда танцующих. Тот притянул принужденно улыбающуюся девушку к своему тощему телу, затем взял за руку и обвел вокруг себя. Положил ладонь на талию и что-то прошептал на ухо.

– Умасливает изо всех сил, – фыркнул кто-то за спиной Гийона.

Он повернулся. Рядом стоял Гуго д'Авранш, известный также как Гуго Толстяк благодаря огромному весу и объемному животу. Более безобразного мужчины Гийон не встречал. Даже долгое знакомство не примирило его с внешностью д'Авранша.

Крохотные водянисто-голубые глазки смотрели на мир из пухлых складок век; щеки с красными прожилками висели, словно два мешка; маленький, удивленно улыбающийся рот был пухлым, как у младенца, и, как у младенца, в нем не хватало верхних передних зубов. Толстяк постоянно был весел и демонстрировал благодушие. Хороший друг – и безжалостный враг, он без страха шел вперед, не думая о поджидающих на пути опасностях.

– О да, масла он не жалеет. Как бы сам не поскользнулся, – согласился Гийон.

Гуго д'Авранш сложил на груди руки и сверкнул на него глазами.

– Как бы там ни было, он хороший воин. Де Лейси достойно командовал наступлением во время боя на острове Мон.

– А также развлекался пытками и насилием, – скривился Гийон.

Д'Авранш пожал плечами:

– Кто из нас не без греха? Под пыткой иные начинают так петь, что заслушаешься.

У Гийона от гнева раздулись ноздри, однако он постарался ничем себя не выдать.

– Да, – как можно бесстрастней согласился мужчина.

Однако ему не удалось обмануть собеседника. Честер положил ему руку на плечо и посетовал:

– Слишком уж ты сердобольный, сынок. В сложившейся ситуации ты не можешь позволить себе роскошь иметь подобные взгляды на жизнь.

Вальтер де Лейси положил обе руки на бедра новобрачной и заставил ее повернуться. На губах девушки дрожала вымученная улыбка.

– Я знаю. Де Лейси сам сватался к Джудит незадолго до смерти ее отца, а де Беллем это одобрил.

Честер поджал свои маленькие, пухлые губы и с интересом посмотрел на танцующую пару.

– Неужели? Тогда приглядывай за ним, он не похож на того, кто с легкостью отказывается от задуманного.

Музыка оборвалась на высокой ноте. Гийон глянул на танцующих – и сузил глаза: Вальтер де Лейси прижал к себе Джудит и страстно ее целовал, шаря свободной рукой по ее ягодицам. Выругавшись, Гийон сунул кубок с вином в торопливо протянутую руку д'Авранша и бросился выручать жену.

– Полагаю, целовать новобрачную – мое право, – холодно сказал он, разделяя де Лейси и Джудит. – Не хочу, чтобы гости сомневались, кто здесь ее муж.

– Вряд ли они сомневаются в этом, милорд, – глумливо улыбнулся де Лейси. – Владей девчонкой, пока у тебя хватает денег.

– Следи за своими деньгами, если не хочешь их лишиться, и смотри, с кем пьешь, – парировал Гийон.

Он повелительно щелкнул пальцами – и музыканты заиграли жизнерадостную каролу[7]. Гийон протянул руку Джудит, но девушка поджала губы и покачала головой.

– Я не могу… Милорд, я… Кажется, меня… – Она зажала рот рукой, ее лицо стало бледным с прозеленью.

Схватив жену за руку, Гийон вытащил ее из зала, не обращая внимания на непристойные выкрики и взволнованные расспросы.

Снаружи шел снег. Джудит оперлась рукой о стену, и ее стошнило. Стоило лишь вспомнить скользкий, как улитка, язык де Лейси, который хозяйничал у нее во рту; его руку на своих ягодицах; то, как он мерзко терся о ее живот и бедра – и желудок начинал содрогаться в спазмах, извергая содержимое. То, что сделал с ней де Лейси, было ужасно. Но сегодня ночью в супружеской постели ей предстоит вынести и это, и нечто гораздо худшее.

– Он причинил тебе боль?

Не в силах вымолвить ни слова, Джудит покачала головой.

– Всегда найдется кто-нибудь похожий на него, – с презрением сказал муж. – Этим поступком он бросил мне вызов. Прости, что тебе пришлось послужить орудием мести.

Джудит не ответила. Прикусив губу, она ждала, когда Гийон уйдет. Ей остро хотелось побыть одной, здесь, под тихо падающими хлопьями снега.

– Не бойся меня, дитя, – ласково сказал муж. – Я не причиню тебе вреда.

– Я не дитя! – отшатываясь, выпалила Джудит и прикрыла лицо локтем в ожидании возможного удара.

Однако он лишь положил руку ей на плечо и сочувственно произнес:

– Я знаю, тебе трудно с этим смириться.

– Откуда вам знать, милорд? – надменно вскинула подбородок Джудит.

– В чужих интересах тебя насильно выдали замуж за совершенно незнакомого человека. Разумеется, ты возмущена и напугана. Я понимаю больше, чем тебе кажется.

Джудит удивленно на него посмотрела. Она не ожидала от навязанного мужа подобной откровенности. Ей не приходило на ум, что Гийон тоже недоволен подобным положением дел и ему не нужны ни ее плодородные земли, ни прилагающиеся к ним хлопоты, ни даже сама невеста.

Повинуясь давлению его пальцев, Джудит повернулась к мужу и нерешительно посмотрела в глаза.

– Я уже сказал, тебе не нужно меня бояться. Тебя тревожит постельная церемония?

---

[7] Карола – средневековый танец. Танцующие двигались либо цепочкой, либо хороводом.

Джудит опустила глаза, недоумевая, зачем он это говорит. Ни к чему ей наставления, даже сделанные из лучших побуждений.

Гийон же принял ее молчание и опущенный взгляд за стыдливость:

– Первую часть церемонии нам придется вытерпеть. Вторую можно отложить. Меня никогда не привлекало насилие.

– Я… я знаю свой долг, милорд, – запинаясь, пробормотала Джудит.

– Не сомневаюсь, но это все равно будет сродни изнасилованию, а я предпочитаю, чтобы обе стороны получили наслаждение. Всему свое время, *fy Cath fach*.

Муж ласково убрал прядь ее волос со щеки. Джудит посмотрела на него со смесью облегчения и сомнения:

– Вы не передумаете, милорд?

Он назвал ее котенком по-валлийски?

– Глупо было бы поступить иначе. Тебе и без того нелегко, ни к чему обременять еще и твое слишком юное тело.

Джудит утерла слезы и всхлипнула, но тут же извинилась:

– Простите меня, милорд. Я не всегда такая плакса. Просто я так боялась. До вашего приезда чуть не сбросилась со скалы. А теперь, когда вас увидела… – Она опустила голову и призналась тихо-тихо, едва перекрывая шорох поземки: – Я боюсь еще больше.

– Но я ведь не давал тебе повода меня бояться! – оторопел Гийон.

Джудит поморщилась. Не могла же она сказать, что знает, как может чувствовать себя цветок, раскрывший лепестки солнцу, которое оказалось слишком жарким.

– Даже не знаю, что вы подумали, когда я растянулась в грязи у ваших ног.

– Что это необычно, – усмехнулся Гийон. – Еще ни одна девушка не пыталась привлечь мое внимание подобным образом.

Мелин не могла выбрать лучшего времени для появления. Задрав хвост, она неспешно и грациозно подошла к людям. Прежде чем Джудит собралась взять ее на руки, Мелин прыгнула на плечо Гийону, цепляясь когтями за тунику и рубашку.

Гийон поморщился. Джудит испуганно замерла.

– Ты сильно рискуешь, котенок, – сказал Гийон кошке, но ссаживать ее на землю не стал. – Ты дорога своей хозяйке, однако у меня может быть иное мнение. И подбери свои когти. – Он подмигнул Джудит через плечо. – Идем в зал. Посмотрим, что скажут гости о моем новом меховом воротнике.

* * *

Завидев вошедших в зал новобрачных, Алисия облегченно вздохнула. Неважно, что Гийон сделал или сказал, когда был наедине с женой, на ней это сказалось благотворно – Джудит расслабилась, затравленное выражение сошло с ее лица.

– Боже мой, что у Ги на плече? – Майлз рассмеялся.

Алисия издала насмешливо-раздраженный возглас.

– У кошки ни стыда ни совести, и я совершенно не представляю, как она туда попала. Обычно она избегает мужчин – те так и норовят ее пнуть или обругать.

– То, что она пошла на руки к Гийону, – добрый знак, – сказал Майлз.

– Или дело совсем в другом. Говорят, будто ни одна женщина не может устоять перед обаянием твоего сына. Мелин всего лишь очередная самка, ведомая инстинктом.

Майлз усмехнулся, но покачал головой:

– Репутация Ги хуже, чем он сам. Не скажу, что мой сын ангел во плоти, только молва преувеличивает его деяния. Кроме того, придворная жизнь налагает на человека определен-

ный отпечаток. Хочешь не хочешь, а придется поступать так же, как король. Или пустить об этом слух.

Алисия вздохнула, сердясь на саму себя за несдержанность:

– Лишь сегодня утром я упрекала Агнес за то, что она верит сплетням, и вот пожалуйста – веду себя ничуть не лучше. Я словно наседка, что кудахчет над цыпленком.

Алисия снова вздохнула и задумчиво посмотрела на Майлза. Она устала, но показывать это нельзя.

– Гийон будет обращаться с Джудит со всем почтением, – заверил ее Майлз.

Взяв Алисию за руку, он подвел женщину к скамье, расположенной в стенной нише.

– Я в этом ничуть не сомневаюсь. – Алисия внимательно посмотрела на собеседника и внезапно для себя самой высказала то, что ее беспокоило: – Джудит так юна и неопытна! А он… Даже если слухи правдивы лишь наполовину, Гийон опытней и старше жены на двенадцать лет. И он ведь… мужчина. А если наутро дочь прибежит ко мне в слезах и скажет, что не хочет иметь с ним ничего общего? Это разобьет мне сердце. Я помню, как мне было плохо, когда закончилась брачная ночь, как хотелось умереть после того, что Морис со мной сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.